

ЗЕЛЁНЫЙ МЯЧ

Посвящается моим родителям и моим детям

От раскалённой железной крыши старого развалившегося погреба по-прежнему пахло смолой. Я с трудом открыл дверь, вросшую в землю, и вошёл внутрь. Лучики летнего солнца весело играли на осунувшихся стеллажах и облезлых стенах. Со вторым шагом вниз, по ступеням, в нос ударил с детства знакомый запах подzemелья. Полуразвалившиеся деревянные ящики стояли на своих прежних местах. Ржавый безжизненный инструмент, болты, гайки под слоем пыли выглядели как сокровища древней цивилизации. С трепетом и непроизвольной улыбкой я стал перебирать и рассматривать обветренный временем клад.

Я отчётливо почувствовал, что вернулся туда, где не был очень давно. Я вернулся в детство.

Наверное, я бы не вошёл вглубь двора заброшенного дома, если бы не выцветший — когда-то зелёный — резиновый мяч, валявшийся у двух берёз, возле которых я припарковал машину. Этот мяч ждал меня тридцать лет, это я оставил его здесь, пнув напоследок после того, как мы с пацанами поиграли в футбол возле местного клуба. Что-то меня вело и тянуло к этому месту...

Началось всё ночью. Мне снился сон. Я бегу. Детство. Лето. Солнце. Воздух надувает мои паруса счастья. На мне коричневая лёгкая безрукавка, синие шорты и кожаные сандалии. Я задыхаюсь от ветра в лицо и желания взлететь. И вдруг — стена. Я упираюсь в неё, пытаюсь обойти, но ничего не получается. Серые тучи вдруг закрывают небо. Дождь. Холодно. Перед деревянным домом, выкрашенным в синюю и жёлтую краски, сидит девочка лет пяти в голубом платице. Ветер развивает её кудрявые пепельные волосы. Она видит меня и

идёт ко мне. Вместе с ней ко мне бежит небольшая чёрно-рыжая собака, чмыхая, вертя хвостом и по-собачьи улыбаясь.

Дотронувшись до невидимой стены и вмиг убрав её, девочка берёт меня за руку и ведёт во двор. И в этот момент я проснулся.

Я быстро собрался и выехал из дома, когда ещё не было семи. Что-то сегодня должно было произойти...

* * *

Навесной серебристый замок упал мне в руку, как только я к нему прикоснулся. Скрипучая дверь отворилась, и я вошёл на небольшую веранду. Через разбитую мозаику стекла прорывался тёплый утренний ветерок. Я взялся за ручку двери, ведущей в дом, и вдруг услышал нарастающие глухие удары барабанов. Это стучало моё сердце.

Доски были гнилые. Пусть неуверенной поступью, но я всё же шагнул за высокий пошарпанный порог и прошёл внутрь. В доме было всего три комнаты: прихожая, кухня и зал. В прихожей из мебели стоял знакомый мне синий стол. Между прихожей и кухней двери никогда не было — висела шторка из грубого льна с жёлтыми осенними узорами. Несмотря на то что люди много лет уже здесь не жили, запах на кухне был прежним. Пахло домом: пирогами, конфетами и дымом от печи. Мне почему-то подумалось, что, когда этого дома не станет совсем, останется только печь. В зале было пусто. Комната размером в шестьдесят квадратных метров без мебели казалась фантастически огромной. Раньше здесь стояло шесть кроватей и шкаф. Зал служил и для банкетов — здесь проводились все радостные и не очень большие семейные мероприятия, — и спальней, где собравшиеся родственники дружно похрапывали, выбравшись из-за стола.

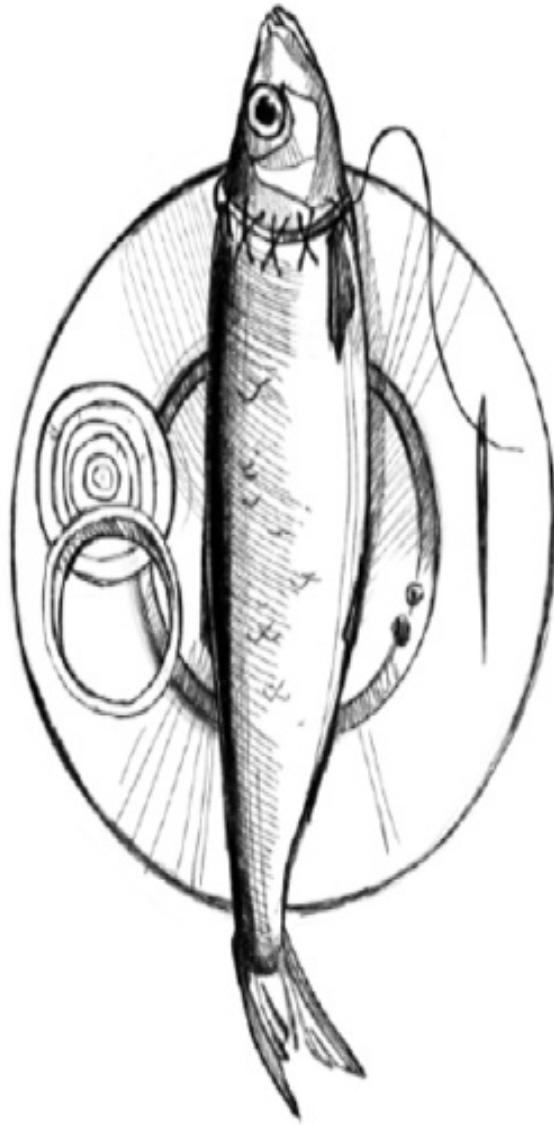
Я вернулся в прихожую и подошёл к столу. В шуфлядке стола мой дед хранил всякие мелочи и записку, накрытую пожелтевшими газетами. Я выдвинул шуфлядку и обнаружил

часы с поцарапанным стеклом и белым циферблатом без ремешка. Пожелтевшая от времени газета лежала на прежнем месте, укрывая дно ящика. Я аккуратно приподнял её и взял в руки. С трудом, но разобрал дату: 19.07.1974. Это был день моего рождения.

Я вернулся во двор. Забор, который разделял двор и огород, куда-то исчез. В руке я держал давно остановившиеся часы. Давно остановившиеся стрелки на белом циферблате показывали время девять часов и одиннадцать минут. На экране моего телефона тоже было 9:11.

Я спустился в погреб.

В доме не было подвала. Только погреб, и я это знал.

СЕЛЁДКА

Мне кажется, я помню себя с момента, когда услышал свой собственный пронзительный плач. Он разносился по всему дому из зала с шестью кроватями. Я лежал на тахте, укрытый серым тяжёлым покрывалом, и орал. Мне было три года. Белая деревянная дверь со стеклом посередине отворилась, и вошла мама в фартуке с поднятыми, как перед молитвой, вымытыми руками. Запах селёдки и лука ручейком влились за ней в большую комнату. Я заорал ещё сильнее. Рыба с пришитой головой ждала меня на кухне.

Причиной моего осознания себя как человека стала отрезанная голова селёдки.

Я игрался в кухне с порубленными дедом для розжига сосновыми щепочками, время от времени подсовывая их через чугунную решётку в котёл парового отопления. Это была моя любимая забава, когда на дворе было холодно и меня не пускали играть на улицу. Щепочка мгновенно загоралась, и я доставал её, чтобы с удовольствием затушить своим дыханием.

Мама приезжала к нам только на выходные, и всякий раз это был праздник для меня. Мама привозила хорошее настроение и что-нибудь вкусненькое. На этот раз мама привезла большой бумажный пакет с зефиром и три большие странно пахнущие рыбины. Они меня больше всего и заинтересовали. Раньше я никогда не видел так близко такую огромную рыбу. Её большие круглые глаза смотрели куда-то мимо меня, а серебристое скользкое тело выскользывало из рук, как только я пытался приподнять рыбу из большой эмалированной железной миски. Я с ней мгновенно подружился.

В деревне у меня не было друзей. После того как я ударил железным ведёрком по голове свою ровесницу соседку, играясь в большой луже недалеко от нашего дома, её бабушка

запретила со мной гулять — и я остался совсем один. Точнее, с бабой, дедом и старой, на коротких кривых ножках, собакой Мухой. Муху я боялся. При бабушке она была хорошей и доброй, но только я оставался с ней один на один, она сразу норовила меня цапнуть за руку или за колошу. Моим жалобам на Муху бабушка не верила.

Селёдка была солёной и какой-то волшебной. Я дал ей имя: Щука. Я слышал это слово раньше от дедушкиного друга, когда тот рассказывал о рыбалке и о чудесном озере Факел, которое находилось где-то на краю земли, в десяти километрах от нашей деревни. И ещё об этой чудо-рыбе много говорили взрослые пацаны, рыбачившие на канаве и однажды подарившие мне двух маленьких зелёно-полосатых рыбёх. Я был безумно счастлив.

Я проснулся после дневного сна. Спал я плохо, потому что неделю назад дед выбросил мою соску в печь у меня на глазах. Он считал, что мужику в три года негоже «сосать дунду». Поэтому я засыпал, зажав губами рожок от угла одеяла. Но это было не то. Дед и сам только-только бросил свою «дунду-сигарету» и, может, поэтому был злой и педагогически настроенный. До обеда, впечатлённый приездом мамы, я необычно много разговаривал, и, наверное, поэтому мне приснился сон, что у меня исчез рот. Я над этим размышлял. Но всё равно моё настроение было замечательное. Выпив стакан молока с корочкой свежего батона и черничным вареньем, я прямым направился в кухню, где колдовала мама, к своему новому волшебному другу — Щуке.

К своему огорчению, в миске Щуку я не обнаружил. Не произнеся ни слова, я стал её искать. Я шёл по запаху. Сначала я увидел несколько серебристых чешуек на коричневом деревянном полу. Затем в помойном ведре обнаружилось что-то похожее на серую змею, свернувшуюся в клубок. Мама готовила что-то за кухонным столом, и запах привёл меня к ней. Я подошёл и попытался посмотреть, что она делает.

— Мама, а где Стюка? — спросил я.

Мама напряглась и всем телом на что-то навалилась. Я услышал хруст.

— Какая штука? — сдувая чёлку со лба, спросила мама, одновременно выбрасывая что-то в помойное ведро. Это что-то увесисто звякнуло об жестянку. В полёте это что-то успело посмотреть на меня своим волшебным круглым глазом. Я замер. Два шага до ведра казались дальше, чем озеро Факел. Я подошёл к ведру. Безжизненная голова мёртвого друга Щуки лежала на дне ведра, чуть кровотока тёмно-коричневой струйкой. Я побледнел, колени подогнулись, и я плюхнулся на пол. Слез не было. Огромный ком застрял в горле и не давал голосу вырваться наружу. Я перестал дышать. Сколько это длилось, естественно, я не помню.

— Что с тобой? Ты меня слышишь, малыш? Что с тобой? — трясла меня мама. Я заревел.

На мой рёв, весь в опилках, вбежал дед. За ним баба. Мой рёв поднял всю деревню.

— Давно надо было его к бабке сводить, спужался он чего-то, я тебе говорила, — причитала моя бабка.

На втором часу моего непрерывного ора бабушка не выдержала и побежала к местной шептухе бабе Тане. Баба Таня оказалось бессильной. Шёл третий час.

— Что с тобой, сыночек... — обнимая и глядя меня по взмокшим волосам, спрашивала мама, обращаясь уже, скорее, к себе самой.

— Стюка... — просипел я.

— Что? — не понимала мама.

— Ыба... — ответил сквозь слёзы я.

— Рыба? Так ты из-за селёдки?

— Да-аааа!!! — прохрипел я и снова заорал.

Мама ушла на кухню. Через десять минут голова селёдки аккуратными стежками была пришита к телу. Я пришёл в себя. С той минуты я помню всё, что со мной происходило.

ВОЛКИ

Дед часто брал меня с собой, когда ездил в город по своим делам. Он был немногословным, задумчивым, но всегда жизнерадостным и весёлым человеком. Жизнь его была сложной и оставила свои следы. Многозначительные татуировки по всему телу, отсутствие безымянного пальца на левой руке и копна седых, прилежно уложенных слева направо волос делали его загадочным.

О Войне он почти не говорил. Но видно было, как при всяком напоминании о ней глубокая морщина между бровями становилась ещё глубже.

Дорога до города занимала примерно два часа. Я лежал в деревянной телеге, уютно устроившись на подстеленной дедом соломе, и рассматривал причудливые белые облака, цеплявшиеся за макушки огромных придорожных тополей. Телега сильно скрипела, колёса шипели об асфальт, а лошадь выстукивала подковами какую-то мелодию. Кобыла Вишня была самой любимой лошадью деда. Рассказывали, что однажды Вишня сама привезла деда домой, когда тот загулял у родственников в соседнем районе.

Вскоре мы въехали в город с единственным светофором в центре. Повернувшись на бок, я стал внимательно всматриваться в серые пятиэтажные дома и витрины магазинов. Пахло городом и немного бензином, хотя машин было мало.

— Доброе утро, лейтенант Петров. Предъявите ваши документы. Где ваши права? — строго произнёс молодой милиционер, остановивший нас за перекрёстком.

Лейтенант Петров скрывал улыбку, а в десяти метрах от него стоял УАЗ, в котором затаились несколько теней, прислушивающихся к диалогу.

— Какие же у меня права, сынок? Я же на кобыле, — спокойно ответил дед.

— Вы на гужевой повозке, а это тоже транспортное средство. Вы, соответственно, водитель. У вас должны быть права на вождение транспортного средства.

Тени в уазике заржали. Вишня лишь повела ухом в сторону зелёной машины. Дед ответил:

— А-а-а! Ты про права-то! Да я совсем и забыл-то, старый уже! — чуть улыбнувшись, тихо ответил дед. — Есть у меня права. Конечно, есть.

Слегка наклонившись к лейтенанту, дед вполголоса произнёс:

— Достань, пожалуйста. А то отсюда не дотянусь. Они у меня в бардачке... Под хвостом у кобылы...

Уазик запрыгал от смеха.

— Всего хорошего. Счастливого пути, — отдал честь смутившийся милиционер.

* * *

Одним из пунктов назначения в дедовом маршруте был городской рынок. К нему мы не спеша и направились. Уже через полчаса дед привязывал Вишню к деревянному столбу, а я, предвкушая прогулку по лабиринтам базара, прыгал от нетерпения возле телеги. Очень хотелось горячих пирожков с повидлом, которые из большого пластикового ящика на колёсах, по пять копеек за штуку, продавала румяная тётенька. Мы приближались ко входу на рынок. Запах пирожков уже щекотал мои ноздри, и в животе заурчало.

Моё внимание привлёк старик, сидевший рядом со входом, прямо на земле. Только поравнявшись с ним, я с ужасом понял, что у него нет ног: ниже колен чёрные потрёпанные штаны были перевязаны белой верёвкой. На запылившемся пиджаке висело несколько медалей. Старик сидел, привалившись к бетонному забору, опустив седую голову, глядя в одну точку, то ли молился, то ли бормотал что-то себе под нос. Рядом с ним на земле стояла алюминиевая мисочка, в которой лежало несколько монет. Люди, ускоряясь, двигались мимо странного старика, словно не замечая или стесняясь обратить на него внимание.

Довольная улыбка в мгновение исчезла с моего лица. Мы тоже прошли мимо, и уже на территории базара дед остановил меня:

— Погоди, — он покопался в кармане и протянул мне монету в двадцать копеек, слегка кивнув головой в сторону старика. Я сразу понял и, не произнеся ни слова, вернулся ко входу. Монета со звоном упала в алюминиевую мисочку. Старик поднял голову, молча кивнул в знак благодарности и едва заметно улыбнулся.

Я увидел его глаза. Голубые, глубокие, с болью и слезами. Мне показалось, что я их уже где-то видел. Позже я вспомнил. В углу большой комнаты нашего дома, за телевизором, висела

икона, на которой были изображены мать с ребёнком. Это были глаза ребёнка с иконы.

* * *

Мы ехали домой.

— Дед, а расскажи про волков!

Я мог до забвения слушать истории, которые дед рассказывал. Особенно мне нравились про волков. Этих лютых зверей я никогда не видел и воспринимал их с восхищением, как страшных сказочных героев. Я не знал, что уже совсем скоро буду смотреть одному из них в глаза с расстояния двух метров.

Истории деда не были выдумкой. Слушая их, я будто сам переживал происходившие в них события.

История первая

Конец сороковых. Бабушка беременна моей тётей и неожиданно решает родить. Воды отходят, а до ближайшей деревни, где могли принять роды, напрямую — двадцать километров и суровая зимняя ночь. Дед запрягает коня, закутывает жену в тулуп и одеяла и галопом отправляется в путь. Выехав за железную дорогу, дед зажигает факел. За старым мостом, уже в чистом поле, конь захрипел и стал фыркать. Галоп становится всё более неудержимым. Сначала справа, а потом слева появляются серые тихие тени. На мягких лапах стая волков окружает сани и ведёт лошадь в сторону леса. Дед, с трудом справляясь с вожжами, вытягивает из-под сена свою одностволку. Патронов всего два. Волков — семь.

Лошадь, тяжело дыша, останавливается. Перед ней — обрыв реки. Кажется, что она смирилась со своей участью. До ближайшей деревни шесть километров. Волки, нагнув головы,